

**Человек в культуре
(Размышления над книгой В.А. Лекторского «Человек и культура»)**

Н.М. Смирнова

Осуществлена концептуальная реконструкция основополагающих принципов конструктивного реализма В.А. Лекторского. В свете концепции конструктивного реализма рассмотрены фундаментальные проблемы современной теории познания. В их числе когнитивные основания критики современных форм релятивизма, абсолютизации конструктивистских установок в современной эпистемологии, вклад телесно ориентированных подходов в познании в становление конструктивного реализма. Показано, что позиция конструктивного реализма опосредует фундаментальную противоположность когнитивного конструктивизма и реализма в современной теории познания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория познания, язык, культура, релятивизм, конструктивизм, конструктивный реализм, В.А. Лекторский.

СМИРНОВА Наталия Михайловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель сектора философских проблем творчества, Москва.

nsmirnova17@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30 октября 2018 г.

Цитирование: *Смирнова Н.М.* Человек в культуре (Размышления над книгой В.А. Лекторского «Человек и культура») // *Вопросы философии. 2019. № 1. С. 67–76.*

Для меня большая честь представить новую книгу выдающегося философа, крупного организатора науки, да и просто незаурядного человека академика В.А. Лекторского (Человек и культура. Избранные статьи. – СПб.: СПбГУП, 2018. 640 с.). Сравнительно недавно отметивший свое 80-летие, Владислав Александрович был и остается в эпицентре философских дискуссий, являясь крупнейшим специалистом в области философской эпистемологии, философии сознания и культуры.

Книга В.А. Лекторского собрала под одной обложкой многочисленные статьи, да и просто разрозненные идеи, щедро рассыпанные в небольших текстах его отдельных выступлений, «Круглых столов», репликах профессиональных дискуссий. Сведенные воедино, они образуют мощный идейный корпус завершенной концепции культурно-исторического бытия человека в контексте современной философии и когнитивных наук. Здесь и проблемы культурного авторитета и статуса философии в современном мире, социокультурная ответственность представителей нашей профессии в поддержании рационального тонауса современной культуры, философская обеспокоенность судьбами реализма в современной теории познания, а также философско-антропологические проблемы жизни и смерти человека в контексте вызовов современного трансгуманизма. Наконец, это и воспоминания о том времени, в котором автору довелось жить и творить, о людях, с которыми сводила судьба на стезе философского служения Истине.

В данном тексте, конечно, нельзя охватить все тематическое богатство книги. Я сосредоточу внимание лишь на отдельных узловых темах, образующих несущую конструкцию концепции автора, наиболее близких моим собственным профессиональным интересам.

В.А. Лекторский известен прежде всего как крупнейший специалист в области философской теории познания. Отдавая дань традиции неклассической рациональности (термин В.С. Степина), он разделяет тезис о том, что как научное, так и философское исследование с необходимостью предполагает рефлексивность в отношении когнитивных средств и операций деятельности — концептуальный анализ познавательных средств, «ноэзы» философского анализа, как сказал бы Э. Гуссерль. Тем не менее, автор никогда не замыкался в рамках чистой эпистемологии. Тем, кто знаком с его философским творчеством, известно, что Владислав Александрович не одобрял различения понятий *теории познания* (как чистой логико-методологической реконструкции познавательного процесса) и *эпистемологии*, трактуемой многими как изучение познания в его социально-культурном контексте. Обе вышеупомянутые составляющие философской рефлексии познавательной деятельности человека для него всегда неразрывны. Его анализ процесса познания превосходит узкие рамки абстрактного гносеологизма, выходя в более широкий контекст познавательной деятельности человека: в материнское лоно языка и культуры.

В.А. Лекторский горячо поддерживает общие установки *деятельностного подхода* в философии. Не всегда целиком разделяя отдельные концептуальные положения дисциплинарных (в частности, психологических, педагогических) теорий деятельности, он, тем не менее, энергично отстаивает общие принципы деятельностного подхода как глубоко эвристичного для анализа познавательной деятельности человека, оппонируя новомодным попыткам заменить деятельность как всеобщую форму активности человека постмодернистски трактуемой *игрой*.

Но не познание как всеобщая форма деятельности, а *человек* познающий в его телесной организации (думающий, чувствующий, заблуждающийся) всегда был и остается в центре философских интересов В.А. Лекторского. В этом — узелок неразрывной связи его теории познания с философской антропологией. Не секрет, что нет числа попыткам философского определения человека в истории культуры: от существа двуногого и без перьев от природы до центра нарративной гравитации. Я лично отдаю предпочтение определению человека, поддерживаемого В. А. Лекторским, как существа *смыслового*, активно выстраивающего образ самого себя из ресурсов языка, личного опыта и памяти, наводящего (подчас шаткие) мосты между образом Я, жизненным миром и социальной реальностью. Осмысленность человеческих переживаний, приписывание им субъективных значений, коррелирующих с intersубъективными в «смысловой структуре социального мира» (А. Шюц), конститутивна в отношении субъективной реальности. Ибо, убежден В.А. Лекторский, «жить в неосмысленном мире человек просто не может» (с.125). И с этим трудно не согласиться. Способность к смылосозиданию — исключительно человеческая и лишь человеческая способность (вопреки расширительным трактовкам смысла в рамках биосемантического энактивизма), а смысл — атрибут антропологически ориентированной теории познания, его главный персонаж. В самом деле, какими бы атрибутами ни наделять человека (*homo sapiens*, *homo habilis*, *homo symbolicus*, *homo ludens* и даже *homo soveticus*), все они подразумевают не видимую для философски незрелого ума, глубоко скрытую за внешними проявлениями разумности, умелости, символизации и игривости способность человека наделять смыслами себя и свой жизненный мир. Мир человека обретает человеческий масштаб и глубину в своей осмысленности — вне зависимости от того, преобразован ли он его физическим трудом или нет. Таково, к слову, и изначальное определение *жизненного мира* (*Lebenswelt*) как дорефлексивной смысловой очевидности сознания основоположником этого понятия Э. Гуссерлем. Именно смысловая насыщенность отличает феноменологически понятый «жизненный мир» от понятия экологической ниши живого организма Г. Фолльмера или окружающей среды (*Umwelt*) Я. фон Икскуля.

Формы социальной организации как продукты *седиментации социальных значений* (А. Шюц) также отсвечивают человеческими смыслами бытия. Владислав Александрович признает все возрастающую популярность прозрения феноменологической социологии, согласно которому социальные институты мыслятся отнюдь не как жесткие

социальные структуры, канализирующие любые проявления социального мышления и действия (парадигма структурного функционализма). Напротив, в них «отвердевают» и воспроизводятся привычные формы социальной деятельности. В подобном «смыслоотнесенном» понимании человека развитые им формы социальной организации предстают как «фабрики социальных значений» (П. Бергер, Т. Лукман).

Отдавая должное эвристическому потенциалу сравнительно новых, телесно-ориентированных подходов в философской теории познания, В.А. Лекторский дистанцируется от радикальных установок ныне популярного биосемантического знакативизма, расширительно толкующего смысл как атрибут избирательной активности живого существа в среде обитания. Это новое «доверие к человеку» как существу смысловому поддерживает позиции интенциональной (смыслополагающей) эпистемологии, оппонирующей натуралистическим интенциям заменить человеческое знание — безличной информацией, компетентность — базой данных, человеческий интерес — когнитивной релевантностью. Доверием к человеку как архитектору смысловой структуры социального мира объясним и его неизбывный интерес к психологии, проблемам личностного знания (*personal knowledge*), феноменологической (смыслоконституирующей) эпистемологии, когнитивным функциям языка и философским проблемам когнитивных наук о человеке.

Замечу, что когнитивные науки о человеке — в отличие от естествознания — работают, так сказать, с человеческими смыслами второго порядка. Социальный ученый привносит свои (научные) смыслы в уже осмысленную в обыденном знании *реальность как продукт человеческой деятельности*. В этом принципиальное отличие социолога (историка, культуролога и т.д.) от физика и химика: реальность, с которой работает последние, «ничего не значит» для составляющих ее атомов и молекул. И потому различия в методах физики и химии, безусловно, существенные для самих этих наук, для антропологически ориентированной теории познания менее значимы, нежели отличия последних — от истории и/или социологии, например. Это в значительной мере объясняет ту осторожность и когнитивную деликатность, с которой В.А. Лекторский анализирует ныне столь актуальную — не только теоретически, но и практически (в контексте структурной реорганизации Российской академии наук) — проблему конвергенции естественных наук и наук о человеке (см. с. 114 — 124).

Чтобы разобраться в сути разногласий сторонников и противников методологического изоморфизма социальных и естественных наук, полезно обратиться к философским истокам этой проблемы. Полагаю, что Э. Гуссерль прав, усматривая в истоках новоевропейской культуры идею единства теоретической системы как основы человеческой жизни. Подобные системы принимали вид метафизически-субстанциалистских концепций, заряженных изначально присущим метафизике стремлением к поиску «первоначала», будь то субстанция мира или базисный слой человеческого знания как основание его вторичных конструкторов. Поворот от Гегеля к Канту знаменует собой отказ от традиционных для новоевропейской культуры интенций на построение универсальных онтологических конструкций, претендующих на постижение глубинной сущности мироздания, и переход к более утонченной и изошренной форме метафизики: поиску первоначала не в *основаниях бытия*, но в базисном слое *человеческого знания*. Кантианство дает блестящий образец анализа всеобщих основ человеческого познания, вырастающих из единого корня: априорных структур человеческого разума.

Замечу, что и кантианство не было радикальным в преодолении пресловутого «духа метафизики»: вещь-в-себе — при всех последующих модификациях этого понятия в рамках неокантианства — оставалась чисто метафизической конструкцией. Придав кантианскому варианту трансцендентализма преимущественно методологический характер, т.е. ограничившись проблемами конструирования научного факта и образования научных понятий, неокантианцам удалось несколько ослабить ее метафизический тонус.

Исторически идея единого общенаучного метода восходит к эпохе разборки крупнейших синтезов новоевропейской метафизики и окончательно оформляется в рамках логического позитивизма. Онтологические конструкции традиционной метафизики со свойственным им представлением о единой субстанции как основе мира со временем

уступают место более изощренным представлениям о единых законах, этим миром управляющих. Присущее классической науке представление о законосообразности мира-механизма замещает метафору мира-книги бытия, написанной языком математики. Идея незыблемости физических законов, их независимости от сознания человека легла в основу несущей конструкции европейской культуры эпохи восходящего индустриализма. Самосознание классической науки взорвала бы современная гипотеза о том, что и сами физические законы, вероятно, также исторически изменчивы: возникновение сложных физических, химических, а впоследствии и биологических структур, да и самой жизни оказалось возможным в результате «тонкой настройки» одних физических «констант» на другие в процессе длительной эволюции физического мира.

Общеизвестно, что первые попытки изучения социальных объектов связаны с миграцией методов естественных наук на область человеческих дел. Когнитивная убежденность, что в социальной реальности нет ничего, что «сопротивлялось» бы экспансии обобщающих (номотетических, по Г. Риккерт), методов воплотилось в крылатой метафоре социологии как «социальной физики» (О. Конт). Однако «хитрость мирового разума» сыграла злую шутку с позитивистской методологией социальных наук в лице ее крупнейшего представителя Э. Дюркгейма. Последний полагал, что «социальные факты надо изучать, как вещи». Однако в анализе столь деликатной человеческой проблемы, как самоубийство, Э. Дюркгейм апеллирует отнюдь не к социологически понятным «фактам-вещам». Он обращает свой мысленный взор к смысловым характеристикам повседневного мышления своего культурного сообщества (значение образования для людей различных конфессий, удовлетворенность жизнью в ее гендерной дифференциации и т.п.) — в кричащем противоречии с постулатами ранее заявленного «натуралистического» метода. Так смыслы социального мышления и действия, изгнанные «за дверь» позитивистской социологии (во имя «натуралистической стерильности» ее метода), стучатся в окно, подвергая сомнению тезис абсолютного методологического изоморфизма естественных и социальных наук. Инобытие идеалистической онтологии — методологический монизм, т.е. представление о том, что все науки пользуются единым общенаучным (механистическим) методом, вытесняется на периферию самосознания науки, уступая место представлениям о гибкой настройке метода на специфику предмета исследования (ноэтико-ноэматическое единство).

Однако верно и то, что в настоящее время, как справедливо констатирует В.А. Лекторский, науки о человеке получают мощный импульс со стороны естественных и точных наук — «методы естественных и точных наук начинают применяться к изучению феномена человека» (с. 125). Возникают столь «гибридные» дисциплины, как компьютерная психология, нейрофилософия, развиваются биологически-аналогизирующие подходы к изучению языка (о чем в свое время поведал еще Р. Якобсон). Менее известно то, что и сами представители естественных (прежде всего биологических) наук ныне широко прибегают к использованию методов социально-гуманитарного познания: историзма, герменевтики, экспертной оценки и т.п. В итоге ослабляется когнитивное противостояние нормативных и дескриптивных установок, характеризующих специфику естественнонаучного и социально-научного мышления классической науки. Можно, конечно, считать высказывание «все птицы имеют крылья» законом (нормативное суждение), полагает Э. Майр, но большинство биологов сочтут это просто констатацией факта (дескриптивное суждение).

В чем причина усиления «возвратного движения» — широкой экспансии методов социально-гуманитарного познания на область естественных наук? На мой взгляд, одна из причин подобного «реванша» состоит в том, что в методологии современной постнеклассической науки (термин В.С. Стёпина), вовлекшей в сферу своей предметности сложные саморазвивающиеся системы, произошел заметный сдвиг в сторону теоретико-сложностного мышления. Сложность (complexity) становится ключевой метафорой современного (постнеклассического) научного мышления, потеснив доселе столь влиятельную синергетику. Теоретико-сложностное мышление заметно отличается от привычных схем мышления классической науки. Так, фундаментальное для классической науки каузальное *объяснение* уже не играет в нем столь заметной роли,

уступая место *описанию* механизмов самоорганизации. Причина в том, что структура саморазвивающегося (автопоэтически самоорганизующегося) объекта постнеклассической науки обладает столь высокой сложностью и (само)изменчивостью, что идеализация одного, превалирующего фактора воздействия в качестве аристотелевой «движущей причины» становится невозможной.

Поясню. Выявляя причинно-следственную связь, мы выделяем из множества взаимодействующих факторов один решающий, абстрагируясь от множества представляющих нам менее существенными. Они, как сказал бы Э. Гуссерль, «выводятся из игры», «закрываются в скобки» как не оказывающие решающего влияния. Например, говоря о гибели «Титаника», обычно называют в качестве причины столкновение с айсбергом (физическое событие). При этом абстрагируются от множества «незначительных» социальных факторов, совокупный вклад которых в трагедию не менее значим. Так, известно, что у впередсмотрящих матросов не было дорогостоящих биноклей (они полагались лишь офицерам), что не позволило вовремя обнаружить грозящую опасность; забастовка шахтеров Кардиффа не позволила снабдить корабль высококачественным несамовоспламеняющимся углем, что привело к перегреву корпуса судна и ослаблению его противударной устойчивости; наконец, стремление компании «White Star» продемонстрировать свои конкурентные преимущества побудило вести корабль во льдах с недопустимо высокой скоростью. Кто знает, быть может, не будь столь «незначительных» факторов нефизической природы – не случилось бы и трагедии?

В теоретико-сложностном мышлении дело обстоит иначе. В нем выбор одного, решающего фактора и «заключение в скобки» менее важных принципиально невозможно в силу многоуровневой (сетевой) структурной сложности и аутопоэтической самоорганизации объекта познания. Изучение формирования мозговых нейронных корреляций, например, не удастся смоделировать с помощью причинно-следственных связей. Здесь эвристичны методы социального познания: феноменологической дескрипции, историзма и герменевтики.

Тенденция обращения к эвристическому потенциалу социальных наук в биологических дисциплинах складывалась постепенно: еще в 90-е годы прошлого века такие биологи, как С. Кауфман и Г. Стент, полагали, что для изучения становления и развития столь сложных объектов, как нервная и иммунная системы, формирование связей в структурах которых носит во многом рандомный характер, необходимы методы исторической реконструкции и герменевтического анализа. Так что, говоря о конвергенции естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, не следует забывать об амбивалентности и разнонаправленности процессов методологической миграции.

Отстаивая позиции реалистической теории познания, В.А. Лекторский выражает когнитивную обеспокоенность возрастанием популярности релятивизма в современной эпистемологии. Ибо «принятие релятивистской установки, – убежден он, – означает отказ от таких фундаментальных ценностей культуры, как ориентация на знание и рациональность, поиск истины, возможность критической дискуссии (если каждая позиция права, то как возможна критика?)» (с. 202). Усиление этой «болезни современной философии» [Лекторский 2017, 5 – 31] во второй половине XX в., по мнению В.А. Лекторского, инспирировано философским осознанием социально-конструирующих функций языка и роли концептуальных каркасов в осмыслении культурного опыта. В самом деле, презентация результатов научной деятельности и продуктов культурных практик оформляется с помощью естественного языка и знаково-символических средств языков искусственных. Именно в них происходит «седиментация социальных значений», образующих смысловой каркас культурного сообщества. В середине XX в. было показано, что естественный язык служит не только средством выражения полученного результата. Он во многом определяет мировоззренческие представления культурного сообщества (онтологию социальной реальности) и вносит заметный вклад в осмысление опыта. Грамматические структуры естественного языка не только аккумулируют типизации повседневного мышления, позволяющие человеку опираться на уже накопленный опыт культурного сообщества (*the stock of knowledge at hand*, по выражению социальных феноменологов), но и выступают рамкой соотнесения (*frame*

of reference) нового опыта с корпусом сложившихся и социально унаследованных социальных значений.

Наибольший вклад в усиление релятивистских тенденций в эпистемологии XX в., по мнению, В.А. Лекторского, внес Т. Кун. Постулировав «парадигмальную относительность» не только содержания научных понятий и характера концептуальных построений, но и способов постановки проблем, формулировок задач и способов их решения, он поставил куда больше задач, чем дал ответов. Ибо теоретическая нагруженность фактов означает, по Куну, что при смене парадигм происходит не только изменение картины мира, но и самих фактов, лежащих в основе сложившегося миропонимания. А поскольку транспарадигмальной рациональности по определению быть не может, то невозможна и рациональная дискуссия между приверженцами различных парадигм.

Это и в самом деле манифест релятивизма в наиболее чистом и методологически завершенном виде (хотя и не признанный таковым самим автором). Он заложил глубокую традицию релятивистской трактовки результатов познания в философии науки XX в., подхваченную П. Фейерабендом и многими другими. Позиция Т. Куна полно и обстоятельно проанализирована в отечественной литературе по методологии науки. Я же хочу обратить внимание лишь на два обстоятельства. Первое. «Хитрость мирового разума» состоит в том, что подобного рода изящные методологические конструкции, акцентирующие и когнитивно заостряющие реальные проблемы методологии науки, подчас не находят подтверждения в практике научной работы их же авторов. Подобный парадокс с натуралистической методологией Э. Дюркгейма я отмечала выше. В данном же случае Т. Кун в своей историко-научной реконструкции становления квантовой механики из духа вероятностного мышления никак не использует эвристический потенциал введенного им понятия парадигмы. Второе. Для оценки когнитивных пределов куновского релятивизма мне представляется наиболее значимым введенное известным отечественным философом В.С. Швырёвым различие *открытой и закрытой рациональности*. Он справедливо подчеркивал, что ученые занимаются не только решением отдельных «головоломок» в рамках принятых способов мышления и деятельности («закрытая рациональность»), но и каждый раз в связи со сколь-нибудь значительным открытием в своей науке задумываются над смыслом ее исконных основоположений («открытая рациональность»), выходя за пределы так называемой парадигмальной рациональности.

Не меньший вклад в усиление когнитивного релятивизма в середине XX в. внесла гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Обобщая результаты этнолингвистических исследований, американские лингвисты пришли к выводу, что картина мира определенного культурного сообщества неявным образом укоренена в синтаксической структуре естественного языка. Наличие в нем существительных, прилагательных и глаголов, например, структурирует окружающий мир на привычные нам предметы, их свойства и действия. Гипотетически можно представить себе язык, в котором нет существительных – случай, описанный в одном из фантастических рассказов Х.-Л. Борхеса. Вместо них прибегают, например, к «сгущению» прилагательных (вместо «луна» – «круглое», «ночное», «светящееся» и т.п.). В рамках присущей носителям такого языка картины мира отсутствуют и предметы, а их функции выполняют волновые характеристики протекающих процессов. Ментальные интуиции индоевропейских языков сформированы на основе субъект-предикатного отношения, предполагающего наличие связки «есть» (S есть P). В арабском же языке, как показывает А.В. Смирнов, подобной связки нет. Поэтому в основе арабской философии лежит не «субстанция», а «действие», а базовой парадигмой мышления является «действующий-претерпевающий» [Смирнов 2015].

Подобная (конечно же, далеко не абсолютная) зависимость картины мира от структуры естественного языка породила иллюзию, что носители различных языков живут в несоизмеримых мирах различных онтологий, и единственного (или предпочтительного) способа теоретической концептуализации реальности не существует. Из посту-

лируемой таким образом «онтологической несоизмеримости» нередко делают опрометчивый вывод, что исходное различие синтаксических структур естественных языков исключает возможность взаимопонимания представителей различных культур в принципе. Но если нет общезначимой картины мира, присущей людям различных культур, и, следовательно, возможны альтернативные картины мира, то бессмысленно говорить и об общезначимых характеристиках мира как такового — тезис, четко сформулированный в ирреализме Н. Гудмена.

Верно, что различные естественные языки по-разному расчленяют мир, что порождает специфические трудности перевода с языка на язык как «с культуры на культуру» (тезис онтологической относительности перевода У. Куайна). Эти трудности знакомы каждому: так, когда мы произносим «science», например, мы принимаем во внимание, что в англоязычной языковой традиции этим словом обозначают лишь естественные науки, а не науку в единстве ее естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин. Но, как убедительно показывает В.А. Лекторский, онтологическая относительность перевода не может служить доводом в пользу когнитивного релятивизма. Ведь смыслы, выражаемые в одном языке грамматически, в другом могут обрести иное, например, лексическое выражение. Так, если для большинства романо-германских языков характерны разнообразные грамматические формы выражения модальности, то флексивность русского языка предоставляет широкие возможности ее лексического выражения. Подобная вариативность способов выражения смысла в различных языках — лексико-грамматическая синонимия — полагает предел когнитивной абсолютизации социально-конструирующих функций языка.

Серьезные аргументы против релятивизма, основанного на гипотезе лингвистической относительности (семантической несоизмеримости), можно обнаружить и в концепции порождающих грамматик Н. Хомского. Когнитивной презумпцией его лингвофилософских построений является представление об иерархической структуре естественных языков. Автор «Картезианской лингвистики» постулирует наличие в любом языке его поверхностной и глубинной структур. Глубинная по определению совпадает со структурой мысли. А поскольку логические структуры мышления универсальны, то подобный универсализм приписывается и глубинным структурам языка. Иными словами, сходные черты глубинной (порождающей) структуры присущи всем языкам и отражают фундаментальные характеристики мыслительной деятельности, единые у всех представителей рода человеческого. Единые в своей основе, различные языки, по Н. Хомскому, разнятся лишь поверхностными структурами. А поскольку различные естественные языки производны от единых порождающих структур, обуславливающих саму возможность речевой деятельности, то сколь бы различны они ни были, у них всегда есть общие смысловые составляющие. Они кристаллизуются в сходных по содержанию универсалиях культуры, и это сходство полагает когнитивный предел идее семантической несоизмеримости естественных языков.

Релятивистская позиция имманентно заряжена отрицанием реализма в эпистемологии, ибо «реалистическая эпистемологическая позиция не совместима с релятивизмом» (с. 194). И тут критически важный пункт всей теоретико-познавательной концепции В.А. Лекторского, на котором зиждятся все его представления о человеческом познании, — позиция *конструктивного реализма* в эпистемологии. Невзирая на мощнейшие вызовы со стороны ирреализма, релятивизма и радикального конструктивизма (нередко пересекавшиеся между собою), Лекторский на протяжении всей своей профессиональной деятельности последовательно и аргументировано отстаивал позиции когнитивного реализма в теории познания. В этом я вижу его непреходящую заслугу перед современной теорией познания.

Представления о смерти субъекта, его растворении в языковых практиках, децентрации, потере идентичности, а также «ускользание реальности», ее обращение в симулякр, в знак неподлинного, «улет перелетных означающих», которыми не без изящества играл европейский постмодернизм на протяжении всего XX в., обрели взвешенную критику в конструктивно-реалистической концепции познания В.А. Лекторского. Он убедительно показывает, что общие основания познавательных процессов

могут быть адекватно поняты не на основе интеллектуальной *игры* с языковыми и концептуальными каркасами, а путем скрупулезного изучения взаимодействия познающего существа, одаренного сознанием и телесностью, с объективной реальностью. При этом язык и иные знаково-символические средства играют важную роль в выявлении и выражении объективных характеристик этого мира, но никак не порождают их. Восприятие и теоретическая интерпретация эмпирических данных в науке осуществляются на основе устоявшихся и концептуально независимых от вновь обретенного интерпретируемого материала теоретических ресурсов («твердого ядра», в терминологии И. Лакатоса), что никак не предполагает пресловутого «порочного круга» в интерпретации соотношения теории с опытом.

Извечный спор реализма и антиреализма — изучаем ли мы саму реальность или порождения собственного сознания — является трансцендентальной предпосылкой всего научного и философского мышления. В XX в. он приобрел новые измерения. Ныне он касается фундаментальных оснований наук о природе и обществе. Традиционно повод для ожесточенных дискуссий реалистов и антиреалистов связывают с проблемами измерения в квантовой механике и ролью человека в приборной ситуации. Но и в социальных науках эта проблема стоит не менее остро: если ситуация социологического опроса генерирует в сознании респондента новые смыслы, которых ранее не было в его сознании, то изучаем ли мы саму социальную реальность как спектр социальных значений или же ситуацию обмена значениями между социологом и респондентом? Поставленный вопрос может быть решен и в духе радикальной версии ныне популярного социального конструкционизма. Согласно его установкам, исследовать и его «объект» в процессе общения сами конструируют изучаемый предмет, вне этого процесса не существующий. А потому ученый-де направляет свои когнитивные усилия не на постижение самой реальности, независимой от сознания, а на когнитивные продукты собственных профессиональных коммуникаций.

Верно, что в процессе создания приборной ситуации или коммуникации в социальных науках с *объектом* познания конституируются новые признаки *предмета* познания, которыми он до этого мог и не обладать. Но это означает лишь, что в развитом научном мышлении необходимо учитывать «относительность к средствам и операциям деятельности» (В.С. Стёпин), не свойственную классической науке, обращенной к сравнительно простым объектам. Но сам *объект* познания в познавательных ситуациях не создается: он существует в реальности — природной или социокультурной.

Замечу также, что *предмет* познания конституируется не только на основе когнитивного интереса и наличных методологических средств, но и общезначимой научной картиной мира. Теоретические понятия развитой науки имеют открытый характер их связи с опытом. Их содержание не определяется исключительно экспериментальными и наблюдательными данными, но задается также и принятой системой онтологических допущений изучаемой реальности. Ведь даже обыденное восприятие соответствует культурно одобренным онтологическим схемам, а зрительный образ встроен в различные системы предшествующих знаний. В науке же эта зависимость существенно обобщается и усиливается.

В.А. Лекторский твердо отстаивает постулат конструктивного реализма, согласно которому когнитивные конструкции понимаются как способы выявления и описания наличного положения дел в мире опыта: «конструирующая деятельность при познании оправдана настолько, насколько она служит для познания того, что есть, существует» (с. 221). Абсолютизация конструктивистских установок в познании свойственна большинству представителей современного постмодернизма. Они исходят из презумпции системной замкнутости, аутопоэтичности языка как знаковой системы, отождествляя с текстом всю природную и социальную реальность, подлежащую семантическому декодированию в процессе познания. Вопрос же о природе внетекстовой реальности «по ту сторону» языка, ее характеристиках и необходимых связях полагается бессмысленным — как пережиток старой метафизики. «В действительности же, — утверждает В.А. Лекторский, — познание выявляет необходимые связи, присущие самой реальности: это не логическая и не концептуальная, а физическая необходимость» (с. 234).

«Миф данности» убежден В.А. Лекторский, не следует заменять «мифом конструкций». Согласно установке *энактивизма*, в процессе познания «реальность не дается, а берется, извлекается» (с. 236) активными действиями человека в окружающей среде. Это важнейший постулат активно поддерживаемого В.А. Лекторским телесно-ориентированного подхода в теории познания, восходящего к экологической концепции восприятия Дж. Гибсона.

Для того, чтобы нечто обнаружить, открыть как реально существующее, необходимо знать, что, где и как искать: формулировка вопроса во многом предопределяет содержание ответа. В этом смысле изучаемые характеристики объекта экспериментально-наблюдательной практики действительно «конструируются» абстрагирующей деятельностью научного разума. Так формулируются условия наблюдения, теоретические схемы экспериментальных ситуаций, осуществляется выборка релевантных исследовательских характеристик и т.п. Но – подчеркну – на основе теории конструируется теоретически нагруженный *предмет* эмпирического исследования, но не сам *объект* познания как таковой. «Теоретическая нагруженность фактов означает не их сконструированность, а лишь то, что принятая концептуальная сетка определяет, какие именно характеристики действительности выбираются, считаются важными» (с. 238). В когнитивном сопряжении *конструктивной* деятельности сознания для выражения сущностных связей и характеристик *самой реальности* – суть концепции современного *конструктивного реализма* в эпистемологии. Ее концептуальное оформление и развитие является непреходящим вкладом В.А. Лекторского в современную теорию познания.

Ссылки – References in Russian

Лекторский 2017 – Перспективы реализма в современной философии: сб. трудов / Ин-т философии РАН; под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017.

Лекторский 2015 – Релятивизм как болезнь современной философии /Ответ ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015.

Смирнов 2015 – *Смирнов А.В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 7–458.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 1. P. 67–76

Human Being in Culture (Reflections upon V.A. Lectorsky's monograph “Human Being and Culture”)

Natalia M. Smirnova

Conceptual reconstruction of basic principles of V.A. Lectorsky's constructive realism has been presented in this paper. Some fundamental problems of contemporary theory of knowledge in the light of constructive realism's attitude have been analyzed, the problems of cognitive criticism of relativism, constructivist approaches' absolutization in contemporary epistemology, contribution of bodily-oriented cognitive attitudes in constructive realism formation being among them. It has been substantiated, that constructive realism bridges a gap between cognitive constructivism and realism in contemporary theory of knowledge.

KEY WORDS: theory of knowledge, language, culture, relativism, constructivism, constructive realism, V.A. Lectorsky.

SMIRNOVA Natalia M. – DSc in Philosophy, Professor, Leading Researcher of the Institute of Philosophy of Russian Academy of Science, Head of Department of Philosophical Problems of Creativity, Moscow.

nsmirnova17@gmail.com

Received at October 30, 2018.

Citation: Smirnova, Natalia M. (2019) ‘Human Being in Culture (Reflections upon V.A. Lektorsky’s monograph “Human Being and Culture”)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 67–76.

DOI: 10.31857/S004287440003621-8

References

Lektorsky, Vladislav A., ed. (2017) *Prospects of Realism in Modern Philosophy: collection of works*, Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, Moscow (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A., ed. (2015) *Relativism as a Disease of Modern Philosophy*, Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, Moscow (in Russian).

Smirnov, Andrey V. (2015) *Consciousness. Logic. Language. Culture. Meaning*. Yaziki slavyanskoy kul-turi, Moscow. Pp. 7–458 (in Russian).